

Ху Чэнъи практиковал буддизм много лет, и это было заметно. Когда его доставили в Отдел по расследованию тяжких преступлений, он не нервничал, как многие люди. Выражение его лица было спокойным.

Сяо Юань пригласил его в гостиную, заварил чай и спросил о деталях, которыми Минг Шу в спешке пренебрег. Ху Чэнъи был чрезвычайно отзывчив. Он описал сострадательного и заботливого мастера Куй Чена, которого он помнил, еще до того, как тот спустился с горы.

Он также упомянул юношу, которого Куй Чен когда-то спас.

— Этот ребенок был очень несчастным. Он упал с уступа и чуть не погиб. Куй Чен немного разобрался в медицине, но он, конечно, не мог вылечить такие серьезные травмы. У него не было другого выбора, кроме как отвезти ребенка в больницу в городе, но потом он обнаружил, что у ребенка нет документов.

— Не было документов? — спросил Сяо Юань. — Сколько лет было ребёнку? В каком году он упал со скалы?

Ху Чэнъи на некоторое время задумался:

— Я думаю, ему было где-то шестнадцать или около того. Тот год... это было, может быть, двадцать или двадцать один год назад. Я действительно не могу точно вспомнить.

Потерянный младший брат Цинь Сюна, Цинь Ин, исчез ровно тогда, когда родилась Цинь Кэ. То есть двадцать один год назад.

Шестнадцати летний. Без документов. Обе эти детали также совпадали.

— Почему он упал? — спросил Сяо Юань.

— Думаю, кто-то толкнул его вниз, — сказал Ху Чэнъи.

— Вы предполагаете? — повторил Сяо Юань. — Он прямо этого не говорил?

— Да, не говорил. — Ху Чэнъи вздохнул. — Но мы очень хорошо знакомы с горой, обычно никто не ходил к той скале. Я пошел посмотреть после того, как мы нашли мальчика, и увидел там много следов. Не похоже, что они все принадлежали одному человеку. Когда мы нашли мальчика, он едва дышал, должно быть, он лежал там по крайней мере сутки.

— Как его звали? — спросил Сяо Юань. — Разве он не остался в храме Хайцзин?

— Его имя звучало как «Ин», от слова «инсюн», что означает герой, — сказал Ху Чэнъи. — Что касается его фамилии, он не хотел нам говорить, и мы его не заставляли.

Ин.

Цинь Ин?

Может быть, он не хотел называть свою фамилию, потому что был разочарован ситуацией с семьей и хотел разорвать с ними связи?

Было ли это потому, что человеком, который столкнул его со скалы, был Цинь Сюн?

Сяо Юань подумал, а затем сказал:

— У него не было документов. Как вы с этим справились?

— Да нам и не нужно было ничего делать, — сказал Ху Чэнъи. — Как только в больнице увидели, что мы монахи, нам дали зеленый свет на госпитализацию мальчика. Дайте подумать... он пробыл в больнице около двух месяцев, а после выписки жил с нами.

— Разве вы не отвели его в полицейский участок, чтобы зарегистрироваться? — спросил Сяо Юань.

Ху Чэнъи горько улыбнулся:

— В те дни даже мы не ходили в полицию, чтобы зарегистрироваться, когда нас допускали в храм. А он был еще ребенком, зачем ему регистрироваться?

— Как долго он оставался в храме Хайцзин? — спросил Сяо Юань. — Что-нибудь произошло за это время?

— Что вы имеете в виду?

— Например, он спускается с горы, чтобы найти кого-то, или кто-то поднимается на гору, чтобы найти его?

— Он никогда не спускался с горы, но я помню, что приходили посторонние.

— Кто? — спросил Сяо Юань.

— Я не знаю, кто именно. — Ху Чэнъи покачал головой. — В то время на гору приходило очень мало людей, почти не было паломников. Только время от времени монахи из других храмов приходили просить милостыню. Этот же человек не был паломником, монахом или туристом. Он пришел и сразу же спросил, видели ли мы мальчика лет шестнадцати, поэтому я очень отчетливо запомнил его визит.

Если Цинь Ин был сброшен со скалы Цинь Сюном, то этот странный гость... с вероятностью восемьдесят процентов это был Цинь Сюн.

— Что вы ему сказали? — спросил Сяо Юань.

Ху Чэнъи улыбнулся:

— Мальчик давным-давно сказал Куй Чену, что если кто-нибудь придет его искать, мы должны сказать, что не видели его и ничего о нем не знаем. По правде говоря, ему не нужно было ничего говорить, даже если бы он не просил нас хранить молчание, Куй Чен никому бы не рассказал о его существовании. Куй Чен пригласил его остаться с нами в храме, чтобы практиковать буддизм, но мальчик отказался и ушел после того, как он полностью выздоровел.

— Когда это произошло? — спросил Сяо Юань.

— Спустя более полугодя, — сказал Ху Чэнъи. — После этого я больше никогда его не видел, и Куй Чен больше никогда о нем не упоминал.

— Вы еще помните, как он выглядел? — спросил Сяо Юань.

Ху Чэнъи закрыл глаза и надолго задумался. С сожалением он ответил:

— Я не могу точно вспомнить.

На своем мобильном телефоне Сяо Юань открыл фотографию, которую Цинь Кэ спрятала в рамке. На сегодняшний день это была единственная фотография Цинь Ина, имевшаяся в распоряжении полиции.

Сяо Юань передал телефон Ху Чэнъи и спросил:

— Это он?

Ху Чэнъи посмотрел на фотографию и долго изучал ее.

— Он похож на него. Чем больше я на него смотрю, тем сильнее становится сходство.

Следующей Сяо Юань показал фотографию молодого Цинь Сюна.

— А как насчет этого? Есть какие-нибудь впечатления о нем?

Ху Чэнъи еще дольше изучал эту фотографию.

— У меня такое чувство, будто я где-то его видел, но не могу вспомнить, где.

— Пожалуйста, подумайте еще, — посоветовал Сяо Юань. — Это похоже на человека, который пришел на гору спросить, видели ли вы шестнадцатилетнего мальчика?

Опущенные веки Ху Чэнъи внезапно, казалось, на секунду натянулись от концентрации, но через некоторое время он сказал:

— Мне очень жаль. Кажется, мой мозг не работает.

— Все в порядке. — Сяо Юань забрал свой телефон и не стал давить на Ху Чэнъи сильнее. Он тепло улыбнулся и сказал: — Вы уже предоставили нам очень важную информацию.

— Действительно? — Ху Чэнъи тихо вздохнул и кивнул. — Это хорошо, это хорошо.

Проводив Ху Чэнъи, Сяо Юань некоторое время молча стоял у окна.

Шестнадцатилетний мальчик, которого описал Ху Чэнъи, по всей вероятности, был Цинь Ин.

Оказалось, что так называемое «исчезновение» Цинь Ина заключалось в том, что его столкнули со скалы на вершине горы Циюэ.

Ху Чэнъи больше не мог ясно вспомнить лицо человека, который поднялся на гору в поисках Цинь Ина. Это было нормально. Это произошло более двадцати лет назад. Если бы Ху Чэнъи смог уверенно подтвердить, что Цинь Сюн был тем человеком, который приходил в храм, то это было бы весьма подозрительно.

Правда постепенно обретала форму и вырисовывалась из этих разрозненных улик...

Двадцать один год назад Хуан Хуэй забеременела. Это была бедная семья; еще один человек — это еще один рот, который нужно кормить. Цинь Сюн много лет терпел присутствие Цинь Ина, своего брата загадочного происхождения, и, наконец, начал питать злые намерения, когда его собственный ребенок вот-вот должен был родиться. Он мог позволить Цинь Ину украсть то, что принадлежало ему, но он не мог позволить Цинь Ину украсть то, что принадлежало его жене и детям.

Цинь Ин в то время был еще молодым и беззащитным перед злобой окружающих. Цинь Сюн каким-то образом обманом заставил Цинь Ина пойти с ним на гору Циюэ — возможно, для похода в горы со своим братом или для паломничества в храм в горах, где они могли бы помолиться за благополучие будущего ребенка Цинь Сюна.

И на этой горе Цинь Сюн показал свою истинную природу и столкнул Цинь Ина со скалы.

Под скалой долгое время не было никакого движения. По мнению Цинь Сюна, Цинь Ин либо сломал себе шею и умер на месте, либо был серьезно ранен и не сможет спастись.

Цинь Сюн выбрал эту гору, потому что она была практически безлюдной, и на ней находился только один храм.

Гора была большой, и монахи, конечно же, не стали бы патрулировать ее целиком. Цинь Сюн, должно быть, предполагал, что никто не сможет найти Цинь Ина у подножия этого утеса.

Пока его не обнаружат, Цинь Ин не выживет, даже если он не умер при ударе.

Цинь Сюн, возможно, подумывал лично спуститься со скалы и посмотреть. Если бы Цинь Ин был мертв, то для Цинь Сюна все было бы идеально. Если Цинь Ин все еще дышал, у Цинь Сюна, должно быть, были другие способы положить конец его жизни. Тогда он мог бы даже похоронить Цинь Ина на месте, чтобы предотвратить возникновение каких-либо проблем в будущем.

Но Цинь Сюн не осмелился.

Он был обычным молодым человеком.

Он считал, что избавиться от Цинь Ина было необходимо ради его собственной маленькой семьи и будущего ребенка. Он хотел немедленной смерти Цинь Ина, но не осмелился взглянуть на тело своими глазами.

Итак, после долгого колебания Цинь Сюн решил уйти.

Цинь Ин исчез, и семья Цинь впала в отчаяние.

Цинь Аньцян и Бай Хун, скорее всего, знали, что в исчезновении их младшего сына виноват старший, поэтому не осмелились вызвать полицию или даже попросить соседей помочь его найти.

Цинь Сюн, должно быть, позже вернулся на гору Циюэ, возможно, опасаясь, что Цинь Ин все еще жив.

И Цинь Ин действительно выжил.

Цинь Ин покинул храм Хайцзин спустя полгода. Судя по тому, что тогда ему было около шестнадцати, в наши дни ему должно быть примерно тридцать семь.

Ху Чэнъи не знал, куда отправился Цинь Ин после того, как покинул гору, но он был уверен, что Цинь Ин больше никогда не возвращался в храм Хайцзин.

Неужели это Цинь Ин вернулся в город Донгье и убил всю семью Цинь, кроме Цинь Сюя?

***

Провинция Хань, уезд Минлянь.

Минг Шу распахнул дверцу машины и посмотрел на невысокое здание перед собой.

Уезд Минлянь находился под юрисдикцией Лочэна. Это было относительно далеко от родного города Моу Хайюаня, Фучэна. После тщательных поисков Отдел по тяжким преступлениям подтвердил, что Ли Фейхэ, которая семь лет проработала домработницей в семье Моу, в настоящее время проживает в округе Минлянь.

Большинство зданий в этом маленьком округе были всего в несколько этажей, и внутри не было лифтов. Минг Шу поднялся по лестнице на четвертый этаж и постучал в дверь квартиры 4-1.

Дверь открыл маленький мальчик, с любопытством подняв голову:

— Кого ты ищешь, дядя?

Из кухни вышла женщина лет шестидесяти, вытерла руки о фартук и устало крикнула:

— Вэйвэй, почему ты так небрежно открываешь дверь?

Минг Шу показал свой значок:

— Вы Ли Фейхэ?

Пожилая женщина сначала была немного шокирована, а затем в панике спросила:

— Что-то случилось с Маленьким Ченом?

Минг Шу покачал головой.

— Это не имеет никакого отношения к вашему сыну. Я пришел к вам, потому что хочу знать о делах семьи Моу Хайюаня.

Глаза Ли Фейхэ расширились. Через мгновение она сказала:

— Хорошо, если это действительно не имеет никакого отношения к маленькому Чену, тогда, пожалуйста, входите.

Войдя внутрь, Минг Шу огляделся. Обстановка дома и его расположение считались довольно хорошими для этого округа. Похоже, Ли Фейхэ сейчас живет относительно хорошей жизнью.

Ли Фейхэ, казалось, немного нервничала:

— Я уже давно не работаю в семье Моу и мало что знаю о делах их семьи.

— Не нужно нервничать, — сказал Минг Шу. — Я просто хотел бы задать вам несколько вопросов. Пожалуйста, ответьте на все, что сможете, исходя из того, что вы знаете.

Ли Фейхэ кивнула.

— Моу Хайюань нанял вас, чтобы вы присматривали за его родителями? — спросил Минг Шу.

— Да, — сказал Ли Фейхэ. — Все мои дети работали в Фучэне, и мне нечего было делать дома, поэтому я решила устроиться на работу уборщицей. Господин Моу увидел, что я трудолюбива и у меня хорошая репутация, поэтому нанял меня работать в доме его родителей.

— Он обращался к вам с какими-либо особенными просьбами? — спросил Минг Шу.

— Особенными? — Ли Фейхэ немного подумала. — Да нет, он просто просил быть терпеливой и осторожной с его родителями.

— Моу Хайюань никогда не навещал своих родителей?

— Это...

Минг Шу слегка постучал указательным пальцем по столу — небольшое движение, но в нем заключалась сила.

Ли Фейхэ нерешительно сказала:

— На самом деле господин Моу...

Минг Шу изучил выражение ее глаз, затем медленно сказал:

— Вы заботились о Моу Циньчжи и Хэ Инхуа в течение семи лет. Вы жили с ними день и ночь. Была ли это настоящая семья или нет, это то, что вам хорошо известно, не так ли?

Выражение лица Ли Фейхэ слегка изменилось. Через некоторое время она кивнула.

— У вас двое своих детей, и вы заботитесь о своем внуке. Ваши дети стараются навестить вас при любой возможности, — сказал Минг Шу. — Это нормально для «настоящей» семьи. Но семья Моу... совсем не такая, как у вас, Моу Циньчжи и Хэ Инхуа никогда не вели себя как родители Моу Хайюаня. Это было больше похоже на то, что они тоже были наняты Моу Хайюанем, верно?

После долгого молчания Ли Фейхэ вздохнула:

— Они действительно не родители господина Моу. Но я не знаю, что сказать по этому поводу.

Минг Шу не перебивал, ожидая, пока Ли Фейхэ продолжит.

— Сначала я просто чувствовала, что что-то не так, но не думала об этом. — Ли Фейхэ крепко сжала руками свой фартук. — Прежде чем пойти работать в семью Моу, я работала и в других семьях. В то время любой, кто мог позволить себе домработницу, был довольно богат, как и семья Моу. Но даже если в этих богатых семьях не все хорошо ладили, как минимум, родители, не боялись своих детей. Семья Моу... Я видела, как Моу Сяньшэн возвращался домой всего несколько раз. Каждый раз, когда он приходил, Моу Циньчжи и Хэ Инхуа вели себя очень скромно, как будто человек, который вернулся, был не их сыном, а хозяин дома. И они не были похожи на родителей богатых детей, с которыми я общалась в прошлом. Они мало общались со своими соседями. Они не гуляли, они не выглядели очень культурными. Позже, проведя много времени с семьей Моу, я начал сблизиться с Хэ Инхуа. Мы довольно часто болтали, и она начала относиться ко мне как к другу. Именно тогда она мне кое-что и рассказала.

Ли Фейхэ сглотнула.

— Она сказала, что они с Моу Циньчжи вообще не были родителями Моу Сяньшэна.

— Тогда вы знаете их настоящие личности? — спросил Минг Шу.

— Да, они из небольшого города на юге, — сказала Ли Фейхэ. — Они жили в деревне и

подписали соглашение с господином Моу, чтобы они играли для него роли его родителей.

— Как Моу Хайюань нашел их? — спросил Минг Шу. — А как насчет настоящих родителей Моу Хайюаня?

Ли Фейхэ покачала головой:

— Я ничего не знаю об этом. Моу Циньчжи вообще редко разговаривал. И после того, как Хэ Инхуа говорила со мной, она всегда напоминала мне никому не рассказывать. После их смерти эти вопросы тоже мучил меня, но я никогда никому ничего не говорила. Если бы вы не были полицейским, я бы тоже вам ничего не рассказала.

— Какие настоящие имена Моу Циньчжи и Хэ Инхуа? — спросил Минг Шу.

— Это их настоящие имена, — сказал Ли Фейхэ.

— Небольшой город на юге, о котором вы упомянули, — продолжил Минг Шу. — Какой именно это был город?

— Я не могу точно вспомнить прямо сейчас. — Ли Фейхэ прижала руку ко лбу. — Лян... Лян что-то...

— Лянси?

— Да, верно, это был Лянси! — сказала Ли Фейхэ. — Но не сам город. Они были из сельской местности к югу от города.

Лянси был родным городом Инь Сяофэна. Шесть лет назад Куй Чен отправился «странствовать» и вернулся с Инь Сяофэном. К тому времени Куй Чен, вероятно, уже был не настоящим Куй Ченом, а скорее Моу Хайюанем.

И ложные родители Моу Хайюаня тоже были родом из Лянси.

— Господин Моу был очень щедрым. Хотя люди, живущие в его доме, не были его настоящими родителями, он относился к ним довольно хорошо. По крайней мере, он никогда не оставлял их нуждающимися в каких-либо материальных благах, — продолжила Ли Фейхэ. — Зарплата, которую мне предложили, также была довольно высокой. После того, как Моу Циньчжи и Хэ Инхуа ушли, я осталась без работы. Господин Моу дал мне большую сумму денег, чтобы я могла вернуться домой и жить мирно. Если бы не господин Моу, у меня не было бы здесь такого хорошего дома.

— Подождите минутку, — сказал Минг Шу. — Моу Циньчжи и Хэ Инхуа правда умерли

естественной смертью?

— Вы подозреваете, что господин Моу убил их? Как это могло быть возможно! — Ли Фейхэ покачала головой. — На самом деле это была просто болезнь. Когда люди стареют, возникают всевозможные проблемы. Господин Моу в этом точно не виноват...

Покинув дом Ли Фейхэ, Минг Шу некоторое время сидел в машине и рассеянно играл с пачкой сигарет.

Там еще оставалось несколько сигарет, но он не закурил ни одной.

Моу Хайюань представлялся посторонним как чрезвычайно сыновний сын, который заботился о родителях, которые не были его настоящими родителями. Это была личность, которую Моу Хайюань намеренно создал. Лучшим вариантом действий для него, конечно, было бы хорошо относиться к своим биологическим родителям, но он этого не сделал. Одной из возможных причин было то, что его биологические родители, возможно, давно умерли. Другая заключалась в том, что, возможно, по каким-то причинам он не смог взять с собой в город своих биологических родителей.

И формируя свою «личность» как сыновнего сына, Моу Хайюань также заявил, что он единственный ребенок.

Но на самом деле мастер Куй Чен из храма Хайцзин был его братом-близнецом.

Минг Шу открыл пачку сигарет и рассеянно раздавил несколько оставшихся там сигарет, одну за другой.

Даже несмотря на то, что Минг Шу контактировал со многими психологически извращенными подозреваемыми, он все еще не мог понять мотивы Моу Хайюаня. Нанять ложных родителей, чтобы сыграть роль почтительного сына, имело смысл с точки зрения карьеры. Но почему Моу Хайюань, уйдя на пенсию с большим богатством, решил «заменить» своего брата в храме Хайцзин?

Более того, знал ли Моу Хайюань с самого начала, что его брат был настоятелем храма Хайцзин?

В глазах Ху Чэнъи Куй Чен, существовавший семь лет назад, олицетворял сострадание, в то время как вернувшийся был угрюмым и не читаемым. Должно быть, в этом заключалось ключевое различие между Куй Ченом и Моу Хайюанем.

Мобильный телефон Минг Шу завибрировал. Он поднял трубку и увидел, что звонил И Фэй.

Отдел по тяжким преступлениям разделился, чтобы работать над этим делом. И Фэю было

поручено расследование связей Моу Хайюаня в киноиндустрии.

— Я кое-что нашел, — сказал И Фэй. — Когда ты вернешься?

— Давай поговорим по телефону чтобы сэкономить время, — сказал Минг Шу. — И я смогу немного подумать об этом на обратном пути.

— Хорошо, — согласился И Фэй. — Кумир твоего детства на самом деле гораздо менее благороден, чем персонажи, которых он изображал в фильме.

Минг Шу изначально хотел возразить, что Моу Хайюань не был кумиром его детства, но его сердце знало, что в тот момент это не было важно. Он откинулся на спинку сиденья и выслушал остальную часть доклада И Фэя.

До прихода в киноиндустрию Моу Хайюань был учеником школы боевых искусств в провинции Хань. Это была школа, которой больше не существовало.

Чэнь Шаосин был первым человеком, связавшим Моу Хайюаня с индустрией развлечений. Это был человек, который тоже закончил школу боевых искусств, но он не добился такого же успеха, как Моу Хайюань.

Благодаря обучению в юности, Чэнь Шаосин и в настоящее время оставался сильным и отважным стариком. Когда он впервые встретил И Фэя, ему даже захотелось немного поспаринговать с ним ради развлечения.

По словам Чэнь Шаосина, Моу Хайюань однажды сказал, когда они еще посещали школу боевых искусств, что он обеспечит своим родителям хорошую жизнь, если добьется успеха.

Это соответствовало словам и действиям Моу Хайюаня на более позднем этапе его карьеры.

Но Чэнь Шаосин также вспомнил, что Моу Хайюань на какое-то время впал в явную депрессию. Когда Чэнь Шаосин спросил, почему, Моу Хайюань не выдержал и признал, что его отец скончался.

И Фэй сразу же спросил Чэнь Шаосина:

— Моу Хайюань действительно это сказал?

— Да, — подтвердил Чэнь Шаосин. — Поэтому, когда позже он появился на публике со своими родителями, я подумал, что это было довольно странно. Но к тому времени мы с Моу Хайюанем уже не были близки. Я мог только предположить, что его мать снова вышла замуж, и это был человек, которого он представил как своего отца.

Чэнь Шаосин помнил Моу Хайюаня до того, как он стал известен, как человека, который часто беспокоился, и источником этого беспокойства, похоже, было его желание обеспечить хорошую жизнь своим родителям.

От Чэнь Шаосина И Фэй узнал, что Моу Хайюань был «искренне» сыновним сыном.

Однако И Фэй слышал от других представителей индустрии развлечений, которые встретили Моу Хайюаня после того, как он добился известности, то, что Моу Хайюань совсем не был святым.

— Моу Хайюань имел серьезные склонности к насилию, — сказал один из сотрудников агентства, с которым Моу Хайюань раньше работал.

Судя по всему, Моу Хайюань использовал свое время в качестве актера, постановщика трюков и режиссера, чтобы вести себя агрессивно во имя «актерства». Однако в прошлом медиаиндустрия не была столь процветающей, как сейчас, избитые актеры также являются «мягкой хурмой», поэтому такие инциденты никогда не разоблачались.

Помимо неоправданного насилия во время съемок, Моу Хайюань иногда избивал и свою собственную команду.

Сотрудник агентства, с которым разговаривал И Фэй, продемонстрировал старый шрам на спине, оставленный Моу Хайюанем. Моу Хайюань оплатил медицинские счета за лечение сотрудника, а также «компенсацию», чтобы заставить его молчать.

— Я это не выдумываю. Спросите любого, и они все скажут вам одно и то же: Моу Хайюань был настоящим подонком. Я слышал, что он уже несколько лет как пропал без вести. Может быть, его убили враги.

И Фэй нашел еще много людей, которые когда-то работали на Моу Хайюаня, и многие из них говорили то же самое. Один из них даже рассказал, что Моу Хайюань имел привычку запугивать мужчин и доминировать над женщинами.

— Сяо Ланьэр, киноимператрица предыдущего поколения... ах, вы, молодые люди, возможно, не слышали о ней раньше. Но она... когда-то Моу Хайюань очень плохо обращался с ней.

Сяо Ланьэр уже скончалась, но ее муж Линь И был еще жив.

Услышав имя «Моу Хайюань», Линь И надолго задумался. Он был уже стариком, и глаза его помутнели от старости.

Но И Фэй увидел гнев, негодование и сожаление в этих затуманенных глазах.

— Я должен был убить его тогда, — пробормотал Линь И. — Я был тем, кто заставил Ланьэр страдать.

Киноиндустрия в прошлом, возможно, не была намного чище, чем сегодняшняя индустрия развлечений. Линь И тоже был актером, но не очень известным. Когда Сяо Ланьэр вышла за него замуж, газеты только написали, что она «вышла замуж», без каких-либо подробностей — и в то время Сяо Ланьэр работала над двумя фильмами с Моу Хайюанем.

Линь И не сказал прямо И Фэю, что его жена подверглась насилию со стороны Моу Хайюаня, но он продолжал болтать и долго говорил о Сяо Ланьэр. В конце концов он также сказал:

— Ланьэр была не единственной жертвой.

— Моу Хайюань когда-нибудь издевался и над другими актрисами? — спросил И Фэй.

Линь И перестал отвечать.

— У него были склонности к насилию, и он совсем не сдерживал себя как с мужчинами, так и с женщинами. И это не единственные преступления Моу Хайюаня, — продолжил И Фэй, завершая свой доклад Минг Шу. — Но все остальное в их отрасли не считается таким уж скандальным.

— Хватит тянуть, — сказал Минг Шу.

— Он боролся за связи и отраслевые ресурсы с другими, — сказал И Фэй. — В прошлом было много актеров боевых искусств, так же, как и в нашу эпоху, появилось на удивление много «маленького свежего мяса». Прославиться было не так-то просто. Моу Хайюань в ранние годы использовал множество уловок, чтобы бороться за ресурсы.

Внезапно Минг Шу пришла в голову мысль:

— Как сложились карьеры тех, кто проиграл тогда Моу Хайюаню?

— У меня еще не было времени проверить их по одному, — сказал И Фэй. — Но в любой сфере деятельности, особенно когда вы только начинаете, те, кто проигрывает на старте, обычно оказываются довольно несчастными.

Повесив трубку, Минг Шу сгорбился над рулем. Постепенно в его сознании начала формироваться картина.

Монахи храма Хайцзин. Были те, кто давно стал монахами — Ху Чэнъи, Лю Суй и Тан Юань. Если оставить их в стороне, то остались Инь Сяофэн, Чан Цинъин, Чу Цзян, Ван Лу, Чу Синь и

Фан Пинсюй.

Инь Сяофэн и Фан Пинсюй были психически нездоровы и имели склонность к насилию.

Чан Цинъин использовал закулисную тактику, чтобы добиться успеха на рабочем месте, что косвенно стало причиной смерти коллеги.

Чу Цзян был первым человеком, который преследовал вдову на своем рабочем месте, что в конечном итоге привело к ее самоубийству.

Ван Лу бездельничал дома и не проявлял сыновней почтительности, что в конечном итоге привело к смерти его отца.

Что касается Чу Синя... он, скорее всего, попал в храм Хайцзин случайно.

Помимо Чу Синя, темное прошлое остальных пяти монахов имело некоторую тень сходства с многими аспектами жизни Моу Хайюаня. Самой надуманной связью был Ван Лу, поскольку на данный момент причины смерти настоящих родителей Моу Хайюаня все еще были неизвестны. Но если бы Моу Хайюань был ответственен за смерть своих родителей, то между ним и Ван Лу тоже была бы связь.

Моу Хайюань исчез, а затем собрал всех этих людей, которые были чем-то похожи на него... чтобы избавиться от них одного за другим?

Что это?

Еще один способ «искупления»?

<http://bllate.org/book/14859/1321971>